

Nikita Khrushchev, Vospominaniia: O Egipte

Source: KHRUSHCHEV, N. S. Vremia. Liudi. Vlast', Vospominania v 4 tomakh. Tome 3. Moskva: IIK "Moskovskie Novosti", 1999. p. 392-395, 397, 398.

Copyright: (c) Moskovskie Novosti

URL: http://www.cvce.eu/obj/nikita_khrushchev_vospominaniia_o_egypte-ru-e9d92e4d-d5f7-40d3-ac37-981e5bebc432.html

Last updated: 01/03/2017

О Египте

[...]

Капиталистический мир, а особенно Франция и Англия, считали, что Насер не справится, в результате они получат возможность оказывать давление на правительство Египта. Они быстро увидели, что Насер не будет идти в фарватере политики капиталистического мира, претендует на самостоятельность в деле развития египетского народа.

Тогда у нас с Насером были довольно сложные отношения: Мы оказывали Египту помощь как народу, борющемуся за свою независимость за освобождение от колонизаторов. Мы продавали им вооружение и всемерно содействовали их продвижению вперед. Но были у нас и большие разногласия в вопросах политической и идеологической линии. Насер стоял на позициях особого египетского пути. Я думаю, здесь немалым было влияние товарища Тито, который тоже объявил свой особый путь развития социализма в Югославии. Египетская же формулировка была нам совсем непонятна. Но нам было хорошо понятно, что коммунисты, которые выявлялись Насером, все сидели в тюрьме. Коммунистическая партия была в подполье. С точки зрения нашей коммунистической идеологии он проводил антикоммунистическую, реакционную политику. Нельзя сказать, что мы в Насере видели того, в ком, по нашему мнению, нуждался египетский народ, но мы считали, что в то время более прогрессивного человека там не было. Он мог возглавить борьбу против колонизаторов, он — национальный герой из военных. Он пока не осознал, не выработал, каким путем будет развиваться Египет, какая цель будет поставлена. О научном социализме не было и речи, проскальзывали слова о каком-то национальном социализме. Я это говорю к тому, что у нас тогда с Насером не было взаимопонимания политического и идеологического характеров. Однако мы считали, что для нас полезно, чтобы Египет утвердился как независимое государство, вышедшее из фарватера империалистических держав Франции и Англии. Напряженность быстро нарастала. В конце лета 1956 года Англия стала перебрасывать авиацию на Кипр и на другие острова в Средиземном море. Стало видно, что готовится война. Мы все-таки думали, что Англия и Франция не пойдут в открытую и не объявят войну Египту. Но, к сожалению, как раз это и случилось.

Франция, Англия и Израиль напали на Египет. Я сейчас не помню, какого-это было числа. Это были последние дни октября. Грянула война. Египет упорно защищался, но силы были неравными и в экономике, и в вооружении. Франция и Англия имели большой опыт и военные кадры, которые прошли большую войну против гитлеровской Германии. Опыт египетской армии ограничивался стычками кавалерии на верблюдах. Главным оружием были винтовка, автомат и пулемет.

Мы очень встревожились. Боялись, что Египет потерпит поражение, и это укрепит положение реакции на Ближнем Востоке.

Ирак тогда возглавлялся реакционным проанглийским правительством. Сирия занимала другую позицию, но тоже была далека от нас. У нас особых контактов с Сирией еще не было, но уже намечалось улучшение в отношениях. Мы понимали, что это будет зависеть от того, как станут развиваться события в Египте, в самой сильной, самой крупной среди арабских республик.

Мы собрались в Президиуме ЦК обсудить, какую нам занять позицию в этом конфликте. Когда мы с Булганиным весной 1956 года были в Англии, в беседах с премьер-министром Иденом и Ллойдом, министром иностранных дел Великобритании, мы все время старались внушить им, что Ближний Восток, Египет близок к нам, и если там разразится война, то нам трудно будет удержаться от того, чтобы не принять участия в конфликте. Мы призывали их, что хорошо бы договориться об обеспечении мира на Ближнем Востоке.

Больше всего мы опасались вторжения в Египет иностранных войск Англии и Франции. Их интересы особенно затрагивались политическим развитием страны под руководством Насера, проводившего независимую внешнюю политику, политику в интересах Египта, а не в интересах бывших колонизаторов. Я уже не говорю об Израиле. И вот теперь война против Египта разворачивалась

полным ходом.

Как только мы ликвидировали мятеж в Венгрии, перед нами встала задача оказания помощи египетскому правительству, президенту Насеру. К тому времени создались большие трудности для правительства Египта. Мы хотели поскорее прекратить войну. Я позвонил Молотову.

— Вячеслав Михайлович, я считаю, что нам сейчас следует обратиться с посланием к президенту Соединенных Штатов Эйзенхауэру и предложить совместные действия против агрессивных сил, напавших на Египет, — сказал я ему.

— Ты считаешь, что Эйзенхауэр пойдет на соглашение с нами против Англии, Франции и Израиля? — возразил мне Молотов.

— Безусловно, не пойдет, — поддержал я его. — Но мы тогда сорвем маску с правительства Соединенных Штатов и с президента Эйзенхауэра. Они выступают в печати, осуждают нападение Франции, Англии и Израиля на Египет. А, как говорится, «Васька слушает, да ест». Война идет, и, безусловно, существует негласное согласование позиций. Одни с оружием в руках ликвидируют прогрессивное правительство президента Насера, а американское правительство в лице президента выступает якобы с осуждением агрессивной акции. Если бы они осуждали всерьез, если бы Соединенные Штаты протестовали полным голосом, и Франция, Англия, Израиль поверили бы, что голос звучит действительно серьезно, что предупреждения могут перерасти в угрозу, то, конечно, правительства агрессоров посчитались бы с этим. А так просто распределены роли в спектакле, где разыгрывается ликвидация египетского революционного правительства. Своим предложением мы поставим президента США в затруднительное положение.

— Да, ты прав, — согласился Молотов. — Давай обсудим. Это будет полезная акция.

После совета с Молотовым я поставил вопрос на Президиуме ЦК. Сейчас же обзвонил всех его членов и попросил собраться в Кремле для обсуждения срочного вопроса о наших акциях против войны в Египте.

Собрались. Подготовили соответствующий документ. В послании президенту Соединенных Штатов мы предлагали объединить наши усилия против агрессии под флагом Объединенных Наций. Я обращаю внимание: под флагом Объединенных Наций. Нас проинформировали, что, когда президент Соединенных Штатов получил наше послание, он даже журналистам заявил: «Это немыслимо. Русские предлагают нам, Соединенным Штатам, вместе с ними выступить против Великобритании, Франции и Израиля. Это немыслимо».

Мы сами считали, что для Соединенных Штатов это немыслимо. Они не могли вместе с нами выступить против агрессоров, против своих союзников. Мы хотели сорвать с них маску миротворцев, борцов за справедливость, борцов против агрессии. Борцов на словах, а не на деле. Именно в этой роли выступал президент Соединенных Штатов Америки господин Эйзенхауэр. Мы показали, кто на словах, а кто на деле против агрессии. Через какое-то время после вручения послания президенту мы опубликовали его текст в печати. Одновременно мы составили письма в адрес премьер-министра Великобритании Идена, в адрес премьер-министра Франции Ги Молле, а также в адрес премьер-министра Израиля Бен Гуриона. Мы их предупредили, что, нападая на Египет, агрессоры рассчитывали, что он значительно слабее их и не имеет такой армии, не имеет такого оружия, как они. Однако есть страны, которые могут встать на защиту Египта и оказать ему помощь, даже не посылая своих войск. Одним словом, мы сделали намек на ракеты. Поэтому мы предлагали прекратить военную агрессию против Египта.

Нам спустя некоторое время, осведомленные люди рассказывали, как проходил процесс согласования действий Ги Молле и Идена. Насколько это правильно, я полагаюсь на тех, кто меня информировал. Говорят, что Ги Молле в это время не уезжал из Совета министров ночевать домой. Когда он получил наше послание, то буквально без штанов, в спальном белье подбежал к телефону

звонить Идену.

В штанах ли он поднимал трубку или в кальсонах, сути не меняет. Главное, что через 22 часа после получения нашего предупреждения, серьезного предупреждения, а не китайского, которые уже насчитываются тысячами, агрессия была прекращена.

Таким образом, цель, которая ставилась агрессорами, — сломить сопротивление Египта, ликвидировать правительство, которое проводит независимую политику в интересах Египта и других арабских народов, борющихся против колониального рабства, сорвалась. Это была большая победа Советского Союза, победа его авторитета и его мощи. Франция и Англия, эти две великие державы, вынуждены были считаться с нами. Я не беру во внимание Израиль.

Нам передавали, что к моменту отправки наших посланий в египетском правительстве создалось критическое положение. В Египте тогда еще имелись большие силы, желавшие свержения Насера. Они выступали против радикальной политики, которую тогда начал проводить Насер.

В арабской печати раздавались критические голоса в наш адрес: мол, Советский Союз не принимает мер и не подает руку помощи арабскому народу, подвергнутому нападению. Резко вырос авторитет Эйзенхауэра, особенно после того, как он публично сделал заявление с осуждением агрессии и потребовал ее прекращения.

Разница-то состояла в том, что когда Эйзенхауэр выступил с осуждением, то агрессивная акция продолжалась. Правительства Англии и Франции понимали, что это тактическая уловка президента Эйзенхауэра, которая не будет иметь никаких последствий. Когда же мы выступили со своим заявлением, то это была уже не игра на публику, а разговор всерьез. Правительства агрессоров сделали правильный вывод. Это была большая победа прогрессивных сил всех стран мира. Очень высоко поднялся авторитет Советского Союза и не только среди египетского народа, но и в других странах, которые освободились от колониальной зависимости или же вели борьбу за свое освобождение.

Я хотел бы еще добавить следующее. Когда создалось критическое положение в Польше и Венгрии, где антисоветские элементы поносили нашу партию и советский народ, что, конечно, создало для нас трудности, то дипломаты Англии и Франции, не первого ранга, встречаясь с сотрудниками наших посольств в своих столицах за чашкой кофе или за бокалом вина, высказывали такие мысли: «Ну, что же, мы с пониманием относимся к трудностям, которые у вас возникли в Польше и Венгрии. А у нас трудности с Египтом. Давайте негласно договоримся: вы своими средствами ликвидируете свои трудности, но не мешайте и нам».

Видите, как империалисты хотели воспользоваться нашими трудностями и лишиться нас возможности поднять голос в защиту борьбы египетского народа против колонизаторов, которые хотели вернуть свое господство в бывших колониях.

Но мы быстро справились со своими трудностями. Я уже говорил, как мы это сделали. В Польше большую роль сыграло новое руководство в лице товарищей Гомулки и Циранкевича. Мы справились с трудностями и в Венгрии. Таким образом мы развязали себе руки и сейчас же подали голос в помощь египетскому народу. Этот голос оказался настолько мощным, что вынудил прекратить агрессию.

Мы были очень рады, что у Идена и Ги Молле хватило мужества прекратить войну.

Война Англии, Франции и Израиля против Египта в 1956 году для Советского Союза стала исторической вехой.

Мы не преследовали эгоистичных, меркантильных интересов Советского Союза. Мы не хотели заменить Англию в Египте или в других арабских странах. Нет! Мы хотели помочь колониальным

народам освободиться из-под рабской зависимости. Это ленинская политика, реально внедрявшаяся в практику нашей дипломатии. Египет после этого еще больше сблизился с Советским Союзом, еще больше проникся доверием и уважением к нашей политике, к нашей советской социалистической системе.

Мы многое приобрели ранее того, когда наше вмешательство в пользу Египта при нападении на него Франции, Англии и Израиля высоко подняло авторитет СССР в арабском мире, особенно в египетском народе. Насер говорил тогда много лестного в отношении политики советского правительства. Мы помогали искренне, без всяких условий, с идейных позиций оказывая помощь, с тем, чтобы все колониальные народы смогли завоевать независимость. Наша акция основывалась на гуманных, а не на каких-либо меркантильных интересах.

Сам СССР ни в чем не нуждался. В том числе в богатствах Объединенной Арабской Республики. У нас есть почти все, что они у себя производят или добывают. У нас есть и нефть, и рис, и прочее, чем богат Ближний Восток. Мы вообще более богатая страна. Если у нас чего-то недостает, так некоторых изделий, которые мы стараемся приобрести в других странах не путем войны или каких-то махинаций, а на торговой основе, как практикуется среди всех цивилизованных народов. Что имел в виду Насер, когда заявлял, что война с трехсторонним агрессором была прекращена в результате помощи Советского Союза? Повторю, во-первых, наше обращение к Эйзенхауэру с идеей слить под флагом ООН военные усилия СССР и США против агрессоров, напавших на Египет, было политическим ходом. Мыто понимали, что Эйзенхауэр не захочет объединяться с нами против своих союзников по НАТО, но хотели сорвать тот покров миротворца, который он напялил на себя, и показать истинное лицо политического деятеля, придерживающегося тех же позиций, что и агрессор. А почему, когда война прекратилась и положение нормализовалось, Израиль отступил с занятых им территорий? Он тогда вместе с французами и англичанами захватил обширные земли. Когда англичане и французы вывели свои войска, Израиль тоже отвел свои. Видимо, имелось соглашение между этими тремя державами. И второе обстоятельство: мы поставили вопрос в ООН и добились осуждения агрессии, а сами заявили публично о наборе наших добровольцев в египетскую армию: танкистов, летчиков, артиллеристов, других военных специалистов.

Да, мы хотели оказать Египту реальную поддержку, послав туда людей, которые в совершенстве владели современным оружием. Это тоже подтолкнуло Израиль к пониманию необходимости отвода войск и освобождению территорий, захваченных в результате тройственного нападения на Египет. Считаю, что этот факт оказался очень существенным для нашей политики, и мы правильно его использовали, поставив условие Израилю: если он не послушается рекомендаций ООН, то столкнется с такой военной силой Египта, в составе войск которого могут быть и наши добровольцы. Это тоже весьма высоко было оценено египетским народом и Насером. Вот о чем он говорил в своих выступлениях. Но после нормализации положения выявилось различное понимание принципов переустройства Египетского государства. Мы видели непоследовательность Насера. Тито же говорил, что тот просто не понимает некоторых вещей, однако ему надо по-прежнему помогать.

В своих выступлениях, мне думается, под влиянием Тито, Насер стал высказываться о возможности строительства социализма в Египте. Он имел своеобразные понятия о социализме. Тут мы его опять не могли понять и считали, что либо он не разбирается в теории, либо умышленно путает. Ведь при определенных условиях слово «социализм» может стать расхожим понятием. Даже Гитлер свою партию назвал национал-социалистской. А какой у него был «социализм», знает весь мир. Поэтому мы с осторожностью относились к людям, которые брали на вооружение слово «социализм», но конкретно не разъясняли, как они его понимают, как думают им пользоваться, какими путями хотят его достичь. Мы считали, что возможно, Насер вводит в заблуждение свой народ, начав пропагандировать какой-то особый путь, путь арабского социализма. Из-за этих разногласий произошло некоторое, к счастью, кратковременное, охлаждение в наших отношениях.

Теперь насчет победы Египта: если раньше, до размолвки, Насер объяснял ее нашим вмешательством, то после обострения, которое у нас наметилось, стал говорить, что Египет победил потому, что помог Аллах. Когда у нас восстановились дружеские отношения, я ему намекал порой:

кто же помог? Мы или Аллах? Он улыбался. Ведь на Аллаха все можно свалить — и помощь, и успех, и провал. Как русские велят на своего Бога, так и египтяне велят на Аллаха.

В СССР еще какое-то время после победы 1956 года проявляли к Насеру настороженность, но одновременно поддерживали его и предложили ему в достаточном количестве оружие. Продавали Египту морское вооружение, торпедные катера и даже самолеты. Все вооружение — стрелковое, артиллерийское, танки, авиацию, морские военные корабли — продавали в количествах, в которых нуждался Насер.

К тому времени у нас уже установились хорошие отношения с правительством Сирии. Но мы поддерживали и Коммунистическую партию в Сирии, самую сильную в арабских странах. Возглавлял ее очень опытный лидер Багдаш. В Сирии довольно уверенным было демократическое движение в целом. Оно оказывало давление на правительство, стараясь вырвать социально-политические уступки для своего народа. Буржуазия Сирии была в большой тревоге, видя, как набирает силу компартия, оказывающая влияние на общественность страны. Правые круги начали искать возможность избавиться от коммунистического воздействия и удержать страну в рамках капитализма. Вдруг (для нас — вдруг) возник вопрос об объединении Египта с Сирией в одно государство.

В их печати развернулась пропаганда в пользу слияния. И в Египте, и в Сирии действовали довольно большие силы за объединение. Мы же в нем не видели прогресса: Сирия была буржуазно-демократической страной с легальной компартией, в ней установился парламентский строй французского типа. Там для прогрессивных группировок условия были лучше, чем в Египте. В Египте же никакой демократии не существовало. Правили полковники, возглавляемые Насером. Партии функционировали только буржуазные или мусульманские, реакционного характера. Поэтому мы не поддерживали идею слияния и создания Объединенной Арабской Республики. Возможно, Насер копировал Советский Союз, имея в виду возможность вхождения в ОАР любой страны на равноправных началах? Не знаю.

Итак, Объединенная Арабская Республика, в которую все арабские страны смогут вступить, чтобы создать единое и великое Арабское государство? Насер имел в виду, что Египет станет руководящей силой при объединении. Видимо, когда-нибудь позднее ОАР сможет стать прогрессивным явлением. Но в те времена, когда Египетская коммунистическая партия не существовала, а коммунисты находились в подполье или сидели в тюрьмах, и народ не пользовался никакими демократическими правами, когда установилась военная диктатура, то такой строй не обещал Сирии ничего хорошего. В печати советские руководители не выступали против политики Насера, не желая отталкивать его, но и не поддерживали. Зато поддерживали Багдаша, а Багдаш вел, насколько хватало сил у Сирийской компартии, борьбу против объединения с Египтом.

[...]